

Александр Сергеевич Стыкалин

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, Москва, Россия.
E-mail: zhurslav@gmail.com

Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта¹

Революция 1848–1849 гг. до сих пор воспринимается в Венгрии как одно из культовых событий национальной истории. В европейском контексте она стала первым масштабным социальным потрясением, очевидно показавшим разрушительную силу национализма. Несовпадение целей национальных движений, выступавших со своими специфическими программами, привело к острым столкновениям, отголоски которых ощущались вплоть до Первой мировой войны. Этот опыт впоследствии был разносторонне осмыслен выдающимися представителями европейской политической мысли. В статье показано, как столетний юбилей революции, отметить который предстояло на самом высоком уровне в интересах расширения сотрудничества народов Дунайского бассейна, неожиданно совпал с началом острого международного конфликта с участием Венгрии, что в полной мере отразилось и на ходе торжеств.

Ключевые слова: Венгерская революция 1848–1849 гг., Австрийская империя, Дунайский регион, национальные движения, национализм, Сталин, Тито, советско-югославский конфликт 1948 г.

Сокончанием Второй мировой войны в Венгрии, которая в начале апреля 1945 г. была полностью освобождена Красной армией от немецко-нацистской оккупации, у власти утвердилось контролируемое Союзной контрольной комиссией (СКК)² коалиционное

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18–09–00573 «Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны Советского блока, 1950–1960-е гг.». Автор благодарит за активное сотрудничество в разработке темы настоящего исследования своего партнера по многим научным проектам Каори Кимуру. Ряд положений, получивших развитие в этой статье, впервые нашли отражение в наших совместных с ней работах.

² Союзная контрольная комиссия образована в соответствии с соглашением о перемирии, подписанным Венгрией с державами-победительницами 20 января 1945 г.

левоцентристское правительство, в котором с самого начала обладали довольно значительными позициями коммунисты и тесно связанные с ними представители других левых сил³. Даже после свободных парламентских выборов в ноябре 1945 г., на которых возымела большой успех Партия мелких хозяйев, коммунистам и их ближайшим союзникам удалось сохранить, а затем и укрепить контроль над силовыми структурами. Должность министра внутренних дел в 1946–1948 гг. занимал один из влиятельных лидеров коммунистической партии Ласло Райк, позже ставший жертвой политических репрессий.

По итогам Второй мировой войны Венгрия вошла в сферу влияния СССР, по Парижскому мирному договору (1947) СССР сохранил за собой право на дислокацию в стране ограниченного воинского контингента. Советский фактор продолжал активно влиять на внутривнутриполитическую борьбу между сторонниками и противниками коммунистической перспективы развития Венгрии, что проявлялось и в непосредственном вмешательстве советской дипломатии и спецслужб в противоборство различных сил. Так, в конце 1947 г. советскими органами был арестован и депортирован в СССР один из виднейших деятелей партии мелких хозяйев Бела Ковач.

Осенью 1947 г. страна вступила в решающую фазу острой борьбы за власть, в которой успеха добились сторонники построения социализма в соответствии с советской моделью. Заключительным аккордом в этом противоборстве явился состоявшийся в июне 1948 г. объединительный съезд коммунистической и социал-демократической партий, которому предшествовало вытеснение из активной политики правой социал-демократии, препятствовавшей утверждению в стране основ коммунистической диктатуры сталинского типа. К середине 1948 г. коммунисты фактически монополизировали управление страной, превратившись в государственную партию, неотъемлемую составную часть формировавшейся тоталитарной системы. Таков был внешний фон больших общенациональных торжеств в Венгрии по случаю столетия одного из культовых событий 1000-летней

Функционировала до вступления в силу Парижского мирного договора 1947 г. с Венгрией. Ее председателем был маршал К. Е. Ворошилов.

³ Из позднейших публикаций на русском языке, в которых раскрывается роль Красной армии и советского фактора в управлении Венгрией в 1945 г., в первые месяцы после освобождения, см.: Стыкалин, Колин 2014; Стыкалин [2018].

венгерской истории — революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг.

Конечно, столь значительное, имевшее огромный международный резонанс событие, как революция 1848 г., никогда нельзя было вычеркнуть из исторической памяти венгров, поскольку с ним напрямую были связаны как некоторые ключевые даты в истории становления венгерских государственных традиций, так и имена великих политиков и деятелей культуры общенационального масштаба (Лайош Кошут, Шандор Петёфи). Национальные идеалы 1848 г. широко эксплуатировались еще консервативно-националистической идеологией хортистского режима⁴, будучи определенным образом интегрированными в официально признанную концепцию венгерской истории, исходившую все же из благотворности австро-венгерского примирения, следствием которого стало торжество венгерской государственности в эпоху Австро-Венгерского дуализма (1867–1918)⁵. В 1927 г. 15 марта утвердился парламентом Венгрии в качестве одного из национальных праздников. Весной 1941 г., в период временного сближения СССР и хортистской Венгрии вследствие заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г., состоялось торжественное возвращение знамен венгерской революционной армии, которые оказались в российском владении после того, как 30-тысячная армия генерала Артура Гёргея была вынуждена в августе 1849 г. капитулировать перед семикратно превосходившим ее войском фельдмаршала И. Ф. Паскевича⁶. При освобождении Венгрии в 1945 г. гонведские знамена оказались трофейным приобретением Красной армии и их возвращение новым венгерским властям было отложено по согласованию обеих сторон до весны 1948 г., став составной частью общенациональных праздничных церемоний по случаю столетия начала венгерской революции⁷.

⁴ См.: Стыкалин 1999: 52–71.

⁵ Наиболее масштабный синтез венгерской национальной истории, в котором заняло свое место и освещение событий 1848–1849 гг., трактовавшихся в категориях борьбы за национальную свободу, был предложен в эпоху Хорти историками Б. Хоманом и Д. Секфю в многотомной «Венгерской истории». См.: Hóman, Szekfű 1935.

⁶ Сдача знамен и оружия венгерских революционных войск нашла отражение в описаниях очевидцев, офицеров русской армии, участников военной кампании 1849 г. См., например: Стыкалин 2014а: 511–528.

⁷ Györkey, Kottra 2001: 87–89.

Для подготовки юбилейных торжеств была в 1947 г. создана общегосударственная комиссия. Возглавил ее министр информации Эрнё Михайфи из левого крыла Партии мелких хозяев, в нее вошли министр обороны известный писатель и публицист народного направления Петер Вереш (один из основателей и лидеров Национальной крестьянской партии), министр просвещения ученый-этнограф Дюла Ортутаи из левого крыла Партии мелких хозяев, наиболее влиятельный идеолог компартии и главный редактор ее газеты «*Szabad Nép*» («Свободный народ») Йожеф Ревай, представители других партий. Состав комиссии свидетельствовал о том, сколь большое внимание уделялось в ее деятельности идеологическому и пропагандистскому обеспечению предстоящих празднеств.

Наряду с общевенгерской комиссией существовали и местные, функционировавшие в пределах отдельных областей страны. К подготовке юбилея приобщилось и Министерство внутренних дел. Его глава Ласло Райк издал распоряжение, согласно которому органы местного самоуправления городов и сел к 15 марта 1948 г. были обязаны переименовать улицы и площади, названия которых имели какую-либо связь с реакционным режимом прошлого. Многие из них предполагалось назвать в честь героев революции 1848 г. Кроме того, 15 января 1948 г. был принят закон о всеобщей амнистии, что также было привязано к предстоящему юбилею⁸. Ко дню 15 марта решено было приурочить и вручение высшей государственной награды (ордена) и высшей государственной премии новой Венгрии — и то, и другое было названо именем Кошута.

28 ноября 1947 г. на заседании общенациональной комиссии президент страны Золтан Тилди сформулировал программную установку: проводившиеся в стране после 1945 г. реформы (и в том числе провозглашение республики, отмену феодальной собственности на землю) следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как последовательное осуществление демократических идеалов революции 1848 г. При этом он активно ссылался на Шандора Петёфи, его стихотворные призывы к солидарности с теми, кто борется за национальную свободу своих народов. Были снова

⁸ См.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Папка 24. Д. 41. Л. 1–3.

актуализированы и идеи вождя революции 1848 г. Лайоша Кошута о необходимости тесного сотрудничества народов Дунайского бассейна, развитые им уже в эмиграции после поражения революции. Согласно З. Тилди, столетний юбилей венгерской революции явился бы хорошим поводом вспомнить об общности интересов и призван был ознаменовать собой начало нового этапа в единении дунайских народов⁹.

На своеобразно интерпретированные исторические традиции 1848 г. в контексте грядущего юбилея венгерские функционеры охотно ссылались в ходе бесед с высокопоставленными представителями других стран в подтверждение искренности своих установок на более активное региональное сотрудничество стран, вставших на новый путь развития. Так, министр просвещения Д. Ортутай при встрече с польской правительственной делегацией в январе 1948 г. акцентировал внимание на важности взаимопонимания между странами «народной демократии» и в этой связи упомянул о предстоящих юбилейных празднествах, назвав их хорошим поводом для того, чтобы вспомнить об общности интересов разных народов, населяющих восток Центральной Европы¹⁰. С позицией деятеля левого крыла Партии мелких хозяев во многом солидаризировались и коммунисты. В частности, Йозеф Ревай, представлявший венгерскую компартию на первом совещании Коминформа в Шклярской-Порембе (Польша) в сентябре 1947 г., говорил о желании венгров присоединиться к союзу славянских народов, идущих по пути построения демократий нового типа¹¹. Юбилейные торжества по случаю столетия революции 1848 г. призваны были стать новой демонстрацией подобного рода устремлений. Судя по подготовленной в МИД СССР записке «К вопросу о подготовке празднования 100-летней годовщины венгерской революции 1848 г.», в Москве считали вполне целесообразным проведение таких празднеств на основе концепции, взятой на вооружение руководством венгерской компартии — т. е. надо было показать, что происходящие в Венгрии реформы представляют собой

⁹ Szabad Nép. 1947. 29 XI.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Папка 24. Д. 41. Л. 10.

¹¹ Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2017. С. 263–267.

практическое осуществление и развитие демократических идей революции 1848 г.¹²

В 1945–1947 гг. в Венгрии не только в левоцентристской, но и в тяготевшей к компартии прессе получили определенное хождение идеи более активного всестороннего сотрудничества придунайских государств, и в том числе проекты создания Дунайской конфедерации¹³; при этом ссылались на идейное наследие вождя венгерской революции 1848 г. Л. Кошута, относившееся к периоду его жизни в эмиграции в 1850–1860-е годы. В качестве первого шага при реализации такого рода планов, как правило, рассматривался проект создания югославско-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был даже включен в предвыборную программу венгерской компартии, опубликованную в сентябре 1945 г. А в 1946 г. венгерские коммунисты выступили с инициативой провести совещание представителей компартий стран Дунайского бассейна, чтобы не отставать от социалистов и социал-демократов, проводивших такое совещание¹⁴.

Как известно, во время венгерской революции 1848–1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и другими национальными движениями (славянскими и румынским), но об этом подготовителями предстоящих юбилейных торжеств решено было по возможности не вспоминать, сделав акцент не на том, что народы

¹² Записка была подготовлена в связи с поездкой в Венгрию на юбилейные торжества советской правительственной делегации во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым. Ее составителем был работавший в МИДе на венгерском направлении референт Б. Григорьев (Гейгер). См.: РГАСПИ. Ф. 74. Ворошилов К. Е. Оп. 2. Д. 59. Л. 12–13.

¹³ См. в этой связи интервью Михая Каройи (первого премьер-министра и президента республиканской Венгрии в 1918–1919 гг., вернувшегося на родину по окончании Второй мировой войны после многолетней эмиграции) австрийскому изданию *«Die Welt am Montag»* («Мир в понедельник») о предполагаемом будущем Дунайского бассейна: РГАСПИ. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). Оп. 128. Отдел международной информации (Отдел внешней политики, Отдел внешних сношений, Внешнеполитическая комиссия). Д. 125. Л. 118–122 (обзор). В 1947 г. родную Венгрию и соседние с ней страны посетил (последний раз в жизни) и Оскар Яси, другой видный венгерский леволиберальный политик и, кроме того, инициатор ряда проектов дунайского федерализма в 1910-е годы. И вернулся в США сильно разочарованный. См.: Стыкалин 2014а: 189–204.

¹⁴ В Москве эту идею не поддержали, совещание не состоялось. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956). Оп. 1. Д. 109. Л. 4–5.

Дунайского бассейна разделяло, а на общности их демократических идеалов. Как и не собирались лишний раз напоминать и о российской интервенции лета 1849 г. по подавлению венгерской революции, которую при всем желании нельзя было представить, в соответствии с актуальным политико-идеологическим заказом, как позитивный момент в истории российско-венгерских отношений¹⁵.

В декабре 1947 г. в Будапеште побывал югославский лидер Й. Броз Тито. Хотя историческую память соседних народов продолжал отягощать груз недавнего, еще совсем живого прошлого (вероломство хортистского правительства, напавшего на королевскую Югославию в апреле 1941 г. через четыре месяца после заключения договора между странами; кровопролитные карательные акции с обеих сторон в годы войны), югославо-венгерские отношения переживали к этому времени настоящий подъем, их уже не осложняли ни взаимные территориальные претензии, ни по большому счету проблемы послевоенных переселений и национальных меньшинств, тем более что в обеих странах немало делалось для обеспечения прав миноритарных этносов¹⁶. Приезд Тито стал демонстрацией продолжающегося югославо-венгерского сближения, что нашло отражение и в подписанном двустороннем соглашении, открывавшем новые перспективы сотрудничества. Если представители компартии делали все бóльший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, идущих (пускай, и разными темпами) по пути строительства «народной демократии», то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных соглашений с Югославией, по-прежнему предпочитали говорить о тесном региональном сотрудничестве двух дунайских государств. В ходе визита Тито обсуждались перспективы тесного экономического взаимодействия двух стран в рамках более широкого проекта — союза Дунайских государств. Особенно большие реальные успехи к этому времени были достигнуты в области культурных связей¹⁷.

¹⁵ В советских дипломатических документах с удовлетворением отмечалось, что организатором юбилея действительно полностью удалось избежать антирусской направленности при трактовке конкретных событий революции. См.: АВП РФ. Ф. 077. Референтура по Венгрии. Оп. 25. Папка 23. Д. 23. Л. 30.

¹⁶ См.: Кимура, Стыкалин 2014: 203–220.

¹⁷ См.: Кимура 2010: 53–64.

Во время пребывания в Венгрии маршал Тито был не только ознакомлен с планами отметить столетний юбилей венгерской революции, но и приглашен принять непосредственное участие в торжествах, которые (исходя, не в последнюю очередь, именно из перспективы дальнейшего венгерско-югославского сближения) предполагалось провести в немалой мере под лозунгом дальнейшего укрепления взаимосвязей между народами Дунайского региона, вступившими после войны на новый путь развития. Заинтересованный в усилении югославского влияния в соседней Венгрии и на правах довольно влиятельного лидера одной из стран-победительниц покровительствовавший венгерской компартии, Тито принял это приглашение и предложил, в свою очередь, разработать совместный план проведения празднеств¹⁸. Это означало, что амбициозный югославский лидер, придавая немалое значение югославско-венгерскому союзу при главенстве Югославии, не прочь был использовать венгерский национальный праздник в своих внешнеполитических интересах.

Приезд самого югославского маршала в марте 1948 г. в Будапешт не смог, впрочем, состояться, поскольку именно в эти самые недели уже назревал конфликт между КПСС и КПЮ, так что ему было не до юбилея венгерской революции. Тем не менее, Югославия была представлена внушительной по составу делегацией. Возглавлял ее входивший в то время в узкое руководство партии М. Джилас. Во время торжеств было зачитано поздравление от Тито. От имени народов ФНРЮ и от своего собственного имени он выразил сердечное пожелание венгерскому народу добиться еще больших успехов в его напряженном труде по восстановлению страны и упрочению «народной демократии»¹⁹.

Масштабные юбилейные торжества в присутствии гостей из более чем десяти стран²⁰ открылись в Будапеште 15 марта, непосредственно в день начала революции 1848 г. Советскую правительственную

¹⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Папка 24. Д. 41. Л. 3.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 65.

²⁰ Наиболее представительными, с участием действующих вице-премьеров и министров, были делегации от СССР и стран «народной демократии» — Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии. Из соседней Австрии приехали председатель компартии И. Коплениг и ее ведущий идеолог Э. Фишер (впоследствии видный ревизионист). Депутаты парламентов от левых партий находились в составе французской и итальянской делегаций. Из США приехала довольно мощная делегация представителей венгерской диаспоры.

делегацию возглавлял член Политбюро ЦК ВКП(б) заместитель председателя Совета министров СССР маршал К. Е. Ворошилов, незадолго до этого, в 1945–1947 гг., стоявший во главе СКК по Венгрии²¹. Встречавший его лидер венгерской компартии Матяш Ракоши, за восемь лет до этого обмененный на знамена венгерской революционной армии, хотя и был в это время всего лишь вице-премьером правительства, уже обладал огромным политическим влиянием в стране и играл заметную роль в ходе юбилейных празднеств. Поездка в Будапешт окруженной почетом правительственной делегации СССР и сами юбилейные празднования нашли освещение в советской прессе²². Документы свидетельствуют и о том, что в СССР столетний юбилей венгерской революции был использован для проведения в надлежащем духе серии агитационно-пропагандистских мероприятий в лагерях для венгерских военнопленных (лекций и бесед о текущем политическом моменте, принятия коллективных благодарственных писем Сталину и т. д.)²³.

²¹ См. дневник пребывания советской делегации в Венгрии и материалы, связанные с этой поездкой, в фонде Ворошилова в РГАСПИ: Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Из документов выясняется, что постановление Совмина СССР о направлении в Венгрию правительственной делегации было принято 6 марта (там же. Л. 7). В состав делегации в числе других входили председатель Президиума Верховного совета Украинской ССР М. С. Гречуха, вице-президент АН СССР историк В. П. Волгин, депутат Верховного совета СССР писатель Л. М. Леонов (см. в фонде Ворошилова в РГАСПИ его заметки со свежими впечатлениями от поездки: там же. Л. 173–176). Персональное приглашение Ворошилову, которого знали в Венгрии именно как главу СКК, приехать на юбилейные празднества поступило от президента страны лидера левого крыла партии мелких хозяев З. Тилди, побывавшего в феврале 1948 г. в Москве в связи с заключением советско-венгерского межгосударственного договора. См. запись беседы К. Е. Ворошилова с Тилди и членами венгерской делегации от 18 февраля: Там же. Л. 4–6.

²² Из опубликованных в советской прессе к юбилею венгерской революции материалов следует выделить статью академика В. П. Волгина «Венгерская революция 1848 г. и наша современность» (Известия. 1948. 30 III), дававшую оценку этого исторического события тогдашней официальной советской историографией.

²³ В подготовленной политорганами МВД и адресованной в ЦК ВКП(б) докладной записке «О политической работе среди военнопленных венгров в связи со столетием революции 1848 г.» (апрель 1948 г.) отмечалось, что жилые помещения, клубные комнаты, столовые в лагерях для военнопленных были украшены лозунгами и плакатами, посвященными революции 1848 г., вывешены портреты деятелей революции Л. Кошута, Ш. Петёфи, плебейского демократа М. Танчича, подготовлены и выпущены специальные номера стенных газет. «В день праздника завтрак, обед и ужин были значительно улучшены. Буфеты и ларьки имели улучшенный и расширенный

В речи Ворошилова, изобиловавшей ссылками на Маркса, Ленина и даже цитатами из Петёфи, венгерская революция была названа одним из ярких народных движений, направленных на ликвидацию феодальных устоев в Европе. Не обошлось в духе времени без дежурных ссылок на роль СССР в освобождении Венгрии от немецко-фашистского ига, как и без подчеркивания значения только что заключенного советско-венгерского договора от 18 февраля 1948 г. «Палач венгерского народа» Хорти сопоставлялся по реакционности с Николаем I, спасшим трон Габсбургов в 1849 г. от неминуемого падения, а сами Габсбурги — с Гитлером, тоже охотно разжигавшим рознь между дунайскими народами, натравливавшим их друг на друга по принципу «разделяй и властвуй»²⁴.

Посольство СССР внимательно следило за поведением югославской делегации на будапештских юбилейных торжествах, отметив стремление югославы и особенно Джиласа уклониться от каких-либо не предусмотренных протоколом встреч с советской делегацией²⁵. Выступая в венгерском парламенте, Джилас назвал революцию 1848 г., потрясшую основы старой феодальной Европы, одной из «красивых страниц в истории освободительной борьбы человечества», и то обстоятельство, что вожди венгерского национально-освободительного движения во главе с Л. Кошутом не проявили достаточного понимания сербских и хорватских национальных интересов, совсем не давало, по мнению оратора, оснований пересматривать реакционную роль хорватского бана Й. Елачича, подавлявшего венгерскую революцию в угоду венскому двору.

Как говорил далее глава югославской делегации, венгерский народ, взявший в 1945 г. в свои руки судьбу страны, решительно вступивший на путь демократии, верен тем же идеалам свободы

ассортимент товаров»; «после собраний во всех лагерных отделениях состоялись большие праздничные концерты и спектакли». Как было констатировано в документе, «настроение военнопленных было торжественным и приподнятым. Все они были довольны тем, что им была дана возможность отметить свой национальный праздник» (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 524. Л. 60–64).

²⁴ См. варианты проекта речи Ворошилова: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 24–28, 30–36.

²⁵ См. донесение посланника СССР Г. М. Пушкина В. М. Молотову от 22 марта 1948 г.: Советский фактор 1944–1953 гг.: Документы / редколл. Т. В. Волокитина (отв. ред.), Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова и др. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1: 1944–1948 гг. С. 570–571.

и прогресса, которые вдохновляли венгерских революционеров 1848–1849 гг. В свою очередь:

Новая Югославия сделала и сделает все, на что она способна, чтобы содействовать развитию демократии в Венгрии, чтобы помочь венгерскому народу подняться из развалин и унижения, чтобы он действительно стал свободным и независимым²⁶.

Конфликт между Москвой и Белградом, хотя и был пока еще за кулисами, но уже разгорался²⁷, обстановка в двусторонних отношениях становилась все более напряженной чуть ли не с каждым днем. Хотя организованные компартией демонстранты, по наблюдению советского посольства, и маршировали по улицам венгерской столицы, скандируя «Сталин — Тито — Ракоши»²⁸, посланник СССР в Венгрии Г. М. Пушкин, передав в Москву в МИД СССР текст речи М. Джиласа в венгерском парламенте, обратил внимание на следующие моменты: полное отсутствие упоминаний СССР и его роли в освободительной борьбе с германским фашизмом (явно контрастировавшее с панегириками в устах глав других делегаций); тезис о том, что именно «освободительная война югославских народов показала новые пути и новые формы борьбы за свободу и независимость народов», как и «борьбы трудящихся масс за свержение эксплуататоров»; выпячивание роли Югославии также и в послевоенном развитии венгерской демократии²⁹.

Делегации из Венгрии, посещавшие югославскую Воеводину в 1947 г. в дни венгерских национальных праздников (и в частности, 15 марта), видели на улицах городов и сел с компактным проживанием этнических венгров венгерские флаги и прочую национальную символику — и это несмотря на острые венгерско-югославянские межэтнические столкновения в период революции 1848–1849 гг. и совершенно свежий трагический опыт Второй мировой войны. На этот факт обращалось внимание в отчетах, при этом их составители сравнивали ситуацию в Югославии с положением дел в Румынии и особенно в Чехословакии, где ничего подобного наблюдать в то время не приходилось³⁰.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 39–40.

²⁷ См.: Гибианский 1998.

²⁸ АВП РФ. Ф.077. Оп. 23. Д. 23. Л. 34.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 37.

³⁰ См.: MNL OL. Az államigazgatás felsőbb szervei. Külügy. XIX-1-j. Jugoszlavia-16/6-2891/pol-1947. 25. d.

Однако к 1948 г. под давлением Москвы, совсем не заинтересованной в территориальных спорах и межэтнических конфликтах внутри формирующегося советского лагеря³¹, в венгеро-румынских отношениях произошли заметные подвижки в позитивном направлении. Межгосударственный договор, подписанный 24 января 1948 г., создавал благоприятный фон для участия официальной румынской стороны в празднованиях столетия венгерского 1848 года, что в Будапеште считали весьма существенным в свете географической привязки важных событий венгерской революции к территориям, отошедшим к Румынии по Трианонскому договору 1920 г.

Так, в экспозиции большой юбилейной выставки в венгерском Национальном музее были представлены экспонаты румынских музеев и прежде всего музея города Арад, где по приказу австрийских властей после подавления национально-освободительной войны был расстрелян ряд генералов венгерской революционной армии и активных участников революции (так называемые арадские мученики). Более того, ряд реликвий был преподнесен Венгрии в дар. Сотрудничеству двух стран не помешало и то обстоятельство, что в Румынии правительством П. Грозы реализовывалась совсем иная концепция празднований событий 1848 г., имевших столь же знаковый характер и для румынского национального движения. Хотя в трансильванском городе Сигишоара (в прошлом — венгерский Шегешвар) и была организована совместная венгеро-румынская акция памяти о венгерской революции, подлинным центром помпезных юбилейных торжеств, состоявшихся в мае, стал городок Блаж (в прошлом — Балажфалва), где 3 мая 1848 г. на румынском народном собрании был принят важнейший программный манифест, явившийся настоящим вызовом для революционной Венгрии в силу несовпадения целей, преследовавшихся национальными движениями двух соседних народов.

В марте 1948 г. в будапештских празднествах участвовали представители не только Румынии³², но и Чехословакии — и это несмотря

³¹ См.: Гибианский 2003: 137–186.

³² Представитель румынской делегации П. Константину-Яшь выступил с подчеркнуто интернационалистской речью, не содержавшей и намека на проблемы, отягощавшие румыно-венгерские отношения. Венгерский народ, по его словам, заслужил восхищение тем, что поднялся с оружием в руках за демократический прогресс, причем его освободительная борьба вышла далеко за национальные рамки, победа венгерской революции привела бы уже тогда к изменению облика Европы, что стало

на то, что острейшие разногласия двух стран по вопросу о массовом переселении венгров из Словакии пока еще не были должным образом урегулированы³³. Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов, хорватов, словаков и румын венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., организаторам юбилейных торжеств до некоторой степени удалось использовать столетие великой венгерской революции в интересах смягчения разногласий, налаживания взаимопонимания, поисков путей к единению народов Дунайского бассейна на основе общих интересов и регионального сотрудничества. Возглавлявший чехословацкую делегацию видный левый социал-демократ З. Фирлингер проводил в выступлении определенные исторические параллели. В 1848 г. народ и в Праге, и в Пеште, говорил он, восстал против централизаторских, тормозящих развитие устремлений Вены. Не прошло и трех недель после февральских событий 1948 г. в Чехословакии, коммунистического путча, завершившегося оттеснением от власти всех оппонентов КПЧ. Не удивительно, что западная пресса, комментируя состоявшиеся в Будапеште торжества, неизменно обращалась к актуальному чехословацкому контексту. Этот контекст явно прочитывался и в послании венгерскому народу министра иностранных дел Великобритании правого лейбориста Э. Бевина. Венгрия может гордиться тем, отметил он, что подняла меч во имя свободы человечества, для нас же, англичан, источником гордости может послужить то, что в силу нашей притягательности для восставших венгров именно у нас после поражения революции нашли пристанище Кошут и его соратники. Прошедшие 100 лет, продолжал Бевин, не устранили опасности тирании, угрожающей политическим, демократическим правам граждан. А потому не утратил актуальности венгерский опыт 1848 г.: в своем стремлении создать Европу, свободную от страха и нужды, мы хотели бы надеяться на помощь венгерского народа, продолжающего хранить истинные традиции своей великой революции³⁴.

возможным только теперь, благодаря Сталину и Красной армии. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 48–50.

³³ См.: Венгерское национальное меньшинство.

³⁴ Послание Э. Бевина было опубликовано и в венгерской прессе, пока еще не подверженной полному идеологическому контролю: *Magyar Nemzet*. 1948. 17 III.

Уже из произнесенной и опубликованной речи Джиласа на юбилейных торжествах в Будапеште внимательные западные наблюдатели могли сделать вывод о нарастающей напряженности в советско-югославских отношениях. Тем более должен был заметить такую напряженность многоопытный лидер венгерской компартии М. Ракоши, хотя он, судя по известным документам, к 15 марта еще не был проинформирован о назревавшем конфликте. Руководство венгерской компартии имело все основания опасаться, что любые проекты единения дунайских (как и балканских) стран и их активного сотрудничества с участием амбициозного маршала Тито могут вызвать подозрения в Москве, где всегда испытывали почти открытое недоверие, а то и неприязнь к любого рода горизонтальным связям между странами советской сферы влияния (эти связи, как правило, плохо контролировались из центра мирового коммунистического движения и расширяли для каждой страны поле самостоятельных, независимых от Москвы внешнеполитических маневров). В этих условиях организаторы юбилейных празднеств действовали предельно осторожно, оказав особые почести маршалу Ворошилову и всей советской делегации.

Надо к тому же заметить, что в Москве хорошо знали не только о многосторонних, с каждым годом активизировавшихся венгерско-югославских межгосударственных связях, но и об особой близости партийных элит, что проявилось и во время приезда Тито в Будапешт в декабре 1947 г. для подписания двустороннего соглашения. Как отмечалось в более позднем, относящемся к 1949 г., документе аппарата ЦК ВКП(б), «до резолюции Информбюро³⁵ у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная», что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк

«ухитрился» утвердить явно в угоду югославам устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии³⁶.

³⁵ Речь идет о принятой в конце июня 1948 г. на втором совещании Коминформа резолюции «О положении в компартии Югославии» с резкой критикой в адрес КПЮ, ее обвинениями в национализме.

³⁶ Запись совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Документы / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 150.

В Будапеште не могли питать иллюзий относительно того, насколько подробно были информированы в Москве о тесных и разносторонних, из месяца в месяц все более активизировавшихся венгеро-югославских связях, ведь из этого не делалось никакого секрета. Осведомлены были в Кремле и о бытовавших в среде венгерских коммунистов настроениях брать пример с югославов, быстрее других на восточноевропейском пространстве продвигавшихся по пути к социализму. Так, 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве даже М. Ракоши не скрывал, что новая Венгрия хотела бы следовать югославскому примеру, в частности, там, где дело касается силовых структур. Более того, на вопрос Молотова, «популярна ли в Венгрии Югославия», он ответил: «Да, она в Венгрии популярна. Надо сказать, что даже популярнее, чем Советский Союз. Дело в том, что венгерский народ не боится югославов, а вот традиционную боязнь к русским не удалось еще изжить»³⁷. В свою очередь, Й. Реваи, выступавший от имени венгерской компартии на первом совещании Коминформа в сентябре 1947 г. в Польше, особо подчеркнул, что «венгерская демократия» для решения стоящих перед ней внутривластных и внешнеполитических задач нуждается в экономической поддержке соседних стран и назвал в качестве примера выгодного для своей страны сотрудничества не только торговые соглашения с СССР, но и все более тесные экономические связи с Югославией³⁸. Подобные весьма откровенные высказывания, находившие немало подтверждений в реальной практике югославо-венгерских отношений, в Москве, конечно, не были склонны забывать и в условиях начавшегося конфликта с Югославией.

Отметив под знаком единства дунайских народов юбилей революции 1848 г., венгерские лидеры дали Сталину и его окружению не только новые подтверждения венгеро-югославской близости, но и дополнительный повод для недовольств и подозрений в отношении ускользавшего из-под советского контроля маршала Тито, стремившегося обеспечить своей стране положение региональной державы уже не только на Балканах, но и в дунайском регионе. Равно как и в отношении венгерских коммунистов, склонных потакать амбициям югославского лидера (а может быть, даже играть по югославскому

³⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Молотов В. Т. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.

³⁸ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред. Г. М. Адиебеков. М.: РОССПЭН, 1998. С. 150.

сценарию в вопросах дунайского сотрудничества). Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей позднего Л. Кошута о Дунайской федерации (не говоря уже об активном участии в мартовских юбилейных торжествах югославской делегации, открыто дистанцировавшейся при этом от Москвы) дали новый материал советским партаппаратчикам из отдела внешней политики ЦК ВКП(б), готовившим как раз в эти дни для партийного руководства справку «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», датированную 24 марта³⁹.

Были и другие поводы для подозрений. Из документов известно, что от руководства КПЮ поступило приглашение венгерской партийной делегации на очень высоком уровне посетить Белград 22 марта. Целью встречи должно было стать обсуждение вопросов, «общих для обеих партий». Предполагалось, что в Белград поедут деятели из ближайшего окружения Ракоши — Э. Герё, М. Фаркаш и Й. Реваи, по сути, второе, третье и четвертое лица партии, курировавшие в ее руководстве соответственно экономику, силовой блок и идеологию. Разговор, таким образом, намечался очень серьезный. Нам неизвестно, состоялась ли эта поездка, державшаяся в глубокой тайне. В любом случае в Москве знали о поступившем из Белграда приглашении и не могли не принять к сведению эти неконтролируемые контакты как очевидную попытку югославов не только информировать венгров об углублявшемся конфликте в отношениях с Москвой, но и склонить их на свою сторону⁴⁰.

Хотя во время юбилейных торжеств 15 марта Джилас, выступая от имени своей партии, строил прогнозы о том, что отношения между независимыми Венгрией и Югославией будут впредь только укрепляться и углубляться⁴¹, активизация неблагоприятных внешних факторов могла возродить старые обиды и привести к значительному откату в двусторонних отношениях. Именно это произошло в апреле 1948 г. Ракоши не мог знать о вышеупомянутой справке от 24 марта, предназначенной для внутреннего пользования. Но получив 31 марта из Мо-

³⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 802–806 (справку подготовили сотрудники аппарата ЦК Г. Короткевич и С. Заволжский, 25 марта зам. зав. отделом ЦК Л. Баранов передал ее секретарю ЦК М. Сулову).

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 14.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 59. Л. 40.

сквы посланный в Будапешт, как и в столицы других стран «народной демократии» в порядке информации текст письма ЦК ВКП(б) в ЦК СКЮ с суровыми обвинениями в адрес югославов по ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений, руководство венгерской компартии быстрее других поддержало ВКП(б) и подключилось к антиюгославской кампании, инициированной Сталиным⁴². Опасаясь быть заподозренным не только в националистическом уклонизме, но и в одобрении неприемлемых для СССР югославских федералистских проектов, Ракоши воспринял первый же поступивший в Будапешт достоверный и не вызывавший никаких сомнений сигнал об ухудшении советско-югославских отношений не только как новую директиву для своей партии, но и как угрозу лично для себя, скомпрометированного в глазах Москвы чрезмерной близостью к Югославии и ее вождю. Он прекрасно понимал, что рассерженный на югославов советский вождь может нанести удар и по руководству венгерской компартии как слишком проюгославскому в его глазах.

Все более интенсивное сотрудничество Венгрии и Югославии, достигшее апогея как раз к началу весны 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место острой вражде соседних государств. Проведенный в сентябре 1949 г. в Будапеште сфальсифицированный судебный процесс по делу Ласло Райка вывел антиюгославскую кампанию в международном масштабе на новый виток⁴³. Нанесенные при этом народам Югославии психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, очень медленно начавшийся со второй половины 1953 г., вскоре после смерти Сталина.

Что же касается празднований начала революции 1848 г., то по мере утверждения коммунистического режима они все более отодвигались исторической политикой на второй план. Какие бы мощные пропагандистские ресурсы ни вкладывались в поддержание исторических мифов⁴⁴, невозможно было вытравить из исторической памяти венгерской нации воспоминаний о решающей роли российской армии в подавлении венгерской революции в 1849 г. Юбилейные празднества в марте 1948 г. были организованы так, что удалось избежать малейше-

⁴² См.: Кимура, Стыкалин 2017: 235–238.

⁴³ Кимура, Стыкалин 2017: 251–269.

⁴⁴ См.: Стыкалин 2014b.

го антироссийского налета при трактовке неудобных страниц истории венгерской национально-освободительной борьбы. И все-таки, бросая тень на могучего северо-восточного соседа, день 15 марта не очень подходил для того, чтобы к нему приурочивались общенациональные торжества в условиях, когда приоритетной задачей партийных идеологов становится апология нерушимой советско-венгерской дружбы. Хотя традиция антигабсбургской национально-освободительной борьбы и была определенным образом интегрирована в официально признанное коммунистическим режимом национальное идейное наследие⁴⁵, власти понимали, что этой традиции легко можно придать антиправительственное и антироссийское звучание, а потому ее культивирование ставилось в очень узкие рамки и всецело контролировалось. В 1951 г. 15 марта стал рабочим днем, что не могло не задеть национальные чувства миллионов венгров. Показательно в этой связи, что уже в 1948 г., когда значение 15 марта еще никто не ставил под сомнение, сама торжественная передача новой Венгрии знамен армии Гёргея состоялась все же не 15 марта, а 4 апреля, в день, когда, по официальной версии, завершилось освобождение Венгрии Красной армией в 1945 г.⁴⁶ — вскоре он был провозглашен национальным праздником. Так создавалась коммеморативная практика венгерского коммунистического режима, остававшаяся в силе до осени 1989 г.⁴⁷

Как отмечалось в постановлении Госсобрания Венгерской народной республики, выбор 4 апреля в качестве национального праздника подчеркивал нерушимость советско-венгерской дружбы, благодарность венгерского народа своему освободителю, «оплоту мира — СССР, и лично великому Сталину — учителю прогрессивного человечества»⁴⁸.

⁴⁵ При этом на передний план все более выдвигались социальные требования в революционных программах 1848 г. и по меньшей мере до 1960-х годов непомерно большое, непропорциональное значение придавалось плебейскому крылу в революционном лагере и такой связанной с ним фигуре, как Михай Танчич.

⁴⁶ Ср.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Папка 24. Д. 44.

⁴⁷ Для того чтобы несколько затмить значение 15 марта, с 1959 г. все большее внимание придавалось другой праздничной дате, соседствующей в календаре с днем начала венгерской революции 1848 г. Речь идет о дне провозглашения Венгерской советской республики (ВСР) 21 марта 1919 г. До 1956 г. отмечать это дату было затруднительно ввиду того, что харизматический лидер коммунистического режима 1919 г. Бела Кун стал жертвой сталинских репрессий и превращение пропагандой Ракоши в главную фигуру ВСР требовало довольно больших мифотворческих усилий. С реабилитацией в 1956 г. Бела Куна эта проблема была снята.

⁴⁸ См.: Glatz 1992. 30. old.

Однако венгерское общество в массе своей не было готово принять в качестве национального праздника день, связанный с приходом в страну иностранных войск, пусть даже выступавших с освободительной миссией. Героиня революции 1848–1849 гг. продолжала подспудно жить в исторической памяти, питая национальное достоинство венгров.

Драматические события осени 1956 г. сопровождалась масштабным возрождением революционной символики 1848–1849 гг. Так, перезахоронение главной жертвы режима Ракоши Ласло Райка состоялось 6 октября, в День памяти арадских мучеников. Массовые действия, с которых началось венгерское восстание 1956 г., были сознательно организованы революционно настроенной молодежью в памятных местах, связанных с 1848 г., сама эта молодежь позиционировала себя продолжательницей традиций 1848 г. — первый митинг прошел у памятника Петёфи, на том месте, где великий национальный поэт читал 15 марта свои стихи, а митинг польско-венгерской солидарности состоялся у памятника польскому генералу Юзефу Бему, одному из командующих венгерской революционной армией в 1848–1849 гг. Лозунги студенческой демонстрации 23 октября под броским заголовком «16 пунктов» вызывали в памяти венгров ассоциации с «12 пунктами», с которыми молодежь Пешта выступила 15 марта 1848 г. В число программных требований инициаторов этой массовой манифестации входили восстановление в качестве герба страны герба, утвержденного Л. Кошутом, и провозглашение 15 марта национальным праздником (кстати, одна из возникших на революционной волне газет так и называлась — «15 марта»). Эти требования поддержало в конце октября и правительство И. Надя, намереваясь поставить их на рассмотрение Госсовета. 1 ноября оно также одобрило использование Национальной гвардией воинских званий и знаков отличия образца 1848 г. Примеры можно продолжать. Происходящее воспринималось современниками прежде всего в революционных категориях, что нашло выражение в публицистике и программах различных сил, вышедших в течение считанных дней на политическую арену. В венгерском общественном сознании осени 1956 г. под контрреволюцией понимали только стремление к реставрации хортизма, но отнюдь не возврат к ситуации 1945 года и не поиски новых форм общественного устройства, призванных прийти на смену свергнутой коммунистической диктатуре.

После 1956 г., в эпоху Яноша Кадара, ежегодные неформальные празднования многими тысячами венгров дня 15 марта обладали огромной мобилизующей силой, напоминая новым поколениям граждан как о великих традициях венгерского политического либерализма, так и о национальных ценностях. Они неизменно принимали оппозиционный действующей власти оттенок, как это особенно явно произошло в юбилейном, 1973 году, когда полиции пришлось разгонять молодежь, вышедшую на улицы.

Возвращаясь же к мартовским дням 1948 г., подчеркнем: попытки венгров использовать историческую память о своих славных революционных традициях в интересах улучшения взаимопонимания народов Дунайского региона нашли определенный отклик в соседних государствах. Однако празднования были со всей неизбежностью поставлены в определенные идеологические рамки, установленные в процессе ускоренного формирования в Восточной Европе коммунистических режимов при советской поддержке. На ход торжеств наложил отпечаток внешнеполитический контекст: разгоравшийся в эти недели и пока заметный лишь вооруженным взглядом советско-югославский конфликт через считанные недели вышел на поверхность, и югославские коммунисты, с почетом принятые в Будапеште, уже очень скоро оказались в положении изгоев в мировом коммунистическом движении.

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

СКК — Союзная контрольная комиссия

MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Литература

Гибианский 1998 — *Гибианский Л. Я.* От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред. Г. М. Адибеков. М.: РОССПЭН, 1998. С. 362–273.

Гибианский 2003 — *Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / отв. ред. А. О. Чубарьян, Н. И. Егорова. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 137–186.

- Кимура 2010 — *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // *Славяноведение*. 2010. № 5. С. 53–64.
- Кимура, Сыткалин 2014 — *Кимура К., Сыткалин А. С.* Венгерско-югославские отношения в 1945 — весной 1948 гг.: от примирения к началу нового конфликта // *Славянский альманах*. 2014. № 1–2. М., 2014. С. 203–220.
- Кимура, Сыткалин 2017 — *Кимура К., Сыткалин А. С.* Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // *Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории* / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 241–269.
- Сыткалин 1999 — *Сыткалин А. С.* Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хортистского режима // *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы)*. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 52–71.
- Сыткалин, Колин 2014 — *Сыткалин А. С., Колин А.* Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // *Славянский альманах*. 2013. С. 511–528.
- Сыткалин 2014а — *Сыткалин А. С.* Дунайские проекты Оскара Яси // *Вопросы национализма*. 2014. № 19. С. 189–204.
- Сыткалин 2014б — *Сыткалин А. С.* Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // *Историческая экспертиза*. 2014. № 1. Москва, 2014. С. 38–54.
- Сыткалин [2018] — *Сыткалин А.* Сент-Дёрди: «Наука и политика должны шествовать рядом» // *Русофил. Русская история, философия и культура*. URL: <http://russophile.ru/2018/01/06/> (дата обращения: 15.11.2018).
- Glatz 1992 — *Glatz F.* Ünnepeink 1945–1990 // *História*. 1992. 10. sz. URL: <https://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/historia/92-10/ch01.html#id496839> (дата обращения: 16.01.2019).
- Györkey, Kottra 2001 — *Györkey J., Kottra-Csákváriné Gy.* National relics. A history of the War Banners of the Hungarian Revolution and War of Independence 1848–49. Highland Lakes (NJ): Atlantic Research and Publications, Inc.; Budapest: Zrínyi Publishing House, 2000. 111 p. (Atlantic studies on the society in change. № 115).
- Hóman, Szekfű 1935 — *Hóman B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Budapest: Egyetemi Nyomda, 1935. I–V. köt.

References

- Gibianskij, L.Ya., 1998. Ot pervogo ko vtoromu soveshchaniyu Kominforma [From the first to the second meeting of the Cominform]. In: Adibekov,

- G. M., ed., 1998. *Soveshchaniya Kominforma, 1947, 1948, 1949. Dokumenty i materialy* [Meetings of the Cominform, 1949, 1948, 1940. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN, pp. 362–273.
- Gibianskij, L.Ya., 2003. Forsirovanie sovetsoj blokovoj politiki [Forcing the Soviet bloc policy]. In: Chubar'yan, A. O., Egorova, N. I., eds., 2003. *Holodnaya vojna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [The Cold War. 1945–1953. A historical perspective]. Moscow: Olma-Press, 2003, pp. 137–186.
- Glatz, F., 1992. Ünnepeink 1945–1990. *História*, 10. URL: <https://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/historia/92-10/ch01.html#id496839> (accessed: 16.01.2019).
- Györkey, J., Kottra-Csákváriné, Gy., 2001. *National relics. A history of the War Banners of the Hungarian Revolution and War of Independence 1848–49*. Highland Lakes (NJ): Atlantic Research and Publications, Inc.; Budapest: Zrínyi Publishing House, 111 p. (Atlantic studies on the society in change, 115).
- Hóman, B., Szekfű, Gy., 1935. *Magyar történet*, 5 vols. Budapest: Egyetemi Nyomda.
- Kimura, K., 2010. Pod znakom dunajskogo sodruzhestva. Vengersko-yugoslavskie kul'turnye svyazi v 1945–1948 gg. [Under the sign of the Danube Commonwealth. Hungarian-Yugoslav cultural ties in 1945–1948]. *Slavyanovedenie*, 5, pp. 53–64.
- Kimura, K., Stykalin A. S., 2014. Vengersko-yugoslavskie otnosheniya v 1945 – vesnoj 1948 gg.: ot primireniya k nachalu novogo konflikta [Hungarian-Yugoslav relations from 1945 – to the spring of 1948: from reconciliation to the beginning of a new conflict]. *Slavyanskij al'manah*, 1–2, pp. 203–220.
- Kimura, K., Stykalin, A.S., 2017. Vengersko-yugoslavskie otnosheniya na rubezhe 1940–1950-h gg.: ot primireniya nedavnih vragov k mezghosudarstvennomu konfliktu [The Hungarian-Yugoslav relations at the turn of the 1940s and 1950s: From reconciliation of recent enemies to the interstate conflict]. In: Anikeev, A.S., ed., 2017. *Moskva i Vostochnaya Evropa. Sovetsko-yugoslavskij konflikt i strany sovetsoj bloka, 1946–1953 gg. Ocherki istorii* [Moscow and Eastern Europe. The Soviet-Yugoslav conflict and the countries of the Soviet bloc, 1946–1953. Historical essays]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 241–269.
- Stykalin, A.S., 1999. Trianonskij mirnyj dogovor 1920 g. i ideologiya hortistskogo rezhima [The Trianon Peace Treaty of 1920 and the ideology of the Hortist regime]. In: Islamov, T.M., Stykalin A.S., eds., 1999. *Avtoritarnye rezhimy v Central'noj i Vostochnoj Evrope (1917–1990-e gody)* [Authoritarian regimes in Central and Eastern Europe (1917–1990s)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 52–71.
- Stykalin, A.S., 2014. Sdachya revolyucionnoj vengerskoj armii russkim vojskam pod Vilagoshem v avguste 1849 g. vospominaniya ochevidca [The surrender of the revolutionary Hungarian army to the Russian troops near Vilagos in August 1849. Memoirs of an eyewitness]. *Slavyanskij al'manah*, 2013, pp. 511–528.

- Stykalin, A. S., Colin A., 2014a. Dunajskie proekty Oskara Yasi [Danube projects of Oszkár Jászi]. *Voprosy nacionalizma*, 19, pp. 189–204.
- Stykalin, A. S., 2014b. Pravda i vymysel o reakcii rossijskogo obshchestva na vengerskuyu revolyuciyu 1848 g. Vengerskaya kompaniya 1849 g. i kapitan Gusev [Truth and fiction about the reaction of Russian society to the Hungarian revolution of 1848. Hungarian company 1849 and Captain Gusev]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 1, pp. 38–54.
- Stykalin, A., [2018]. Sent-Dyordi: “Nauka i politika dolzhny shestvovat’ ryadom” [Szent-Györgyi: “Science and politics are to go hand by hand”]. *Rusofil. Russkaya istoriya, filosofiya i kul'tura* [Rusophil. Russian history, philosophy and culture]. URL: <http://russophile.ru/2018/01/06/> (accessed: 15.11.2018).

Aleksandr S. Stykalin

PhD, Leading Research Fellow at the Department of History of Slavic People between the World Wars, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: zhurslav@gmail.com

The Centennial Jubilee of the Revolution of 1848 in the context of the Soviet-Yugoslav conflict

Abstract. The Revolution of 1848–1849 is still perceived in Hungary as one of the cult events of national history. In the European context, it became the first large-scale social turmoil that demonstrated clearly the destructive power of nationalism. The mismatch of the goals of the different national movements, each formulating their own program, led to sharp collisions which echoed up to the First World War. Later, prominent representatives of European political thought reconsidered this experience. The article shows how the centennial anniversary of the Revolution, which was to be celebrated at the highest level in the interest of expanding the cooperation in the Danube region, unexpectedly coincided with the onset of an acute international conflict in which Hungary was involved - and in turn that affected the celebrations profoundly.

Keywords: Hungarian revolution of 1848–1849, Austrian Empire, Danube region, national movements, Stalin, Tito, Soviet-Yugoslavian conflict of 1948